УДК 343.8

С.А. Стяжкина

ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рассматриваются проблемы квалификации дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ). Отмечается несовершенство действующей редакции статьи. Предлагается исключить из числа потерпевших по ст. 321 УК РФ осужденных, вставших на путь исправления или сотрудничающих с администрацией учреждений, и одновременно расширить круг потерпевших, не ограничивая его только сотрудниками мест лишения свободы или мест содержания под стражей, а также в качестве потерпевших рассматривать и сотрудников органов и учреждений, исполняющих все виды наказаний. В статье анализируются субъективные признаки состава преступления, предлагаются решения спорных моментов. Обращается внимание на то, что обязательным признаком субъективной стороны рассматриваемого преступления выступает мотив, который связывается со служебной деятельностью потерпевших. Указывается, что из числа субъектов по данной статье необходимо исключить должностных лиц мест лишения свободы или мест содержания под стражей, которые должны нести ответственность за должностные преступления, определенные гл. 32 УК РФ.

Ключевые слова: дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества; сотрудник мест лишения свободы, осужденный, насилие, угроза применения насилия, исполнение наказаний, порядок управления.

DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-2-289-296

На сегодняшний день проблемы криминализации преступлений, посягающих на порядок управления, приобретают все большую актуальность. Управленческая деятельность государства развивается очень динамично и претерпевает существенные изменения по сравнению с традиционно существовавшей системой. Меняются формы, методы управления, субъекты управленческой деятельности, изменяется ее содержание, и это не может не отразиться на уголовно-правовой охране отношений в сфере государственного управления. В данной статье будет рассмотрен только один аспект исполнительно-распорядительной деятельности государства, выступающей в качестве объекта уголовно-правовой охраны – это деятельность, связанная с исполнением наказаний.

Следует отметить, что сегодня проблемы исполнения наказаний стоят достаточно остро. Как показывает практика, не всегда цели, стоящие перед наказанием и его исполнением, достигаются, о чем свидетельствует достаточно высокий уровень рецидивной преступности. В частности, по данным МВД, из 884 661 выявленных лиц, совершивших преступление, 261 941 – это лица, ранее судимые[1], то есть к каждому третьему преступнику ранее применялись меры уголовной ответственности. Такой высокий процент рецидивной преступности свидетельствует о неэффективности системы наказаний и порядка их исполнения.

Одним из механизмов противодействия рецидивной преступности выступают уголовно-правовые запреты и ограничения, связанные с порядком исполнения наказаний. В частности, Уголовный кодекс РФ содержит несколько составов преступлений, связанных с управленческой деятельностью государства в сфере исполнения наказаний. К ним относятся ст. 313 УК РФ, предусматривающая ответственность за побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи[2]; ст. 314 УК РФ, предусматривающая ответственность за уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера[3]; ст. 321 УК РФ, содержащая запрет на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества[4].

Интересным представляется тот факт, что если первые из вышеупомянутых статей расположены в гл. 31 Уголовного кодекса РФ «Преступления против правосудия», то ст. 321 УК РФ входит в гл. 32 «Преступления против порядка управления». Таким образом, эти преступления имеют общий

[1] МВД.РФ/CONTACTS.
[2] Уголовный кодекс РФ // СПС «Гарант».
[3] Уголовный кодекс РФ//СПС «Гарант».
[4] Там же.

родовой объект посягательства, но разные видовые объекты, что не может не вызывать вопроса о целесообразности такого подхода законодателя.

Как уже было отмечено выше, уголовная ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, предусмотрена ст. 321 УК РФ. Исходя из расположения данной статьи можно сделать вывод, что родовым объектом рассматриваемого преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие интересы государственной власти. Действительно, одним из направлений деятельности органов государственной власти выступает деятельность по исполнению наказаний в виде лишения свободы, по исправлению осужденных, содержащихся в местах лишения свободы. Но в рассматриваемой статье речь идет не только об исправительных учреждениях. К учреждениям, обеспечивающим изоляцию от общества, также относятся следственные изоляторы, изоляторы временного содержания, чья деятельность тоже связана с осуществлением функций государства по обеспечению безопасности, защите прав лиц, задержанных по подозрению в совершении преступлений, обеспечению деятельности правоохранительных органов и судов.

Видовым объектом данного состава преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие порядок управления. Речь идет о деятельности органов исполнительной власти, в частности, Федеральной службы исполнения наказаний РФ, осуществляющей функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, а также функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, а также функции по контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений[5].

Большинство исследователей проблем применения ст. 321 УК РФ отмечают, что повышенная общественная опасность рассматриваемого состава преступления заключается в том, что данные действия способны повлечь не только нарушение нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, но и «существенно осложнить оперативную обстановку, создать негативную атмосферу, поколебать авторитет органов уголовно-исполнительной системы, поставить под сомнение возможность администрации контролировать ситуацию, … и тем самым существенно снизить эффективность деятельности учреждений и органов системы исполнения наказаний по реализации стоящих перед ними задач»[6].

В качестве основного непосредственного объекта преступления, предусматривающего ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, выступают общественные отношения, обеспечивающие порядок исполнения наказания в виде лишения свободы, а также порядок содержания лиц в следственных изоляторах и изоляторах временного содержания.

Возникает вопрос: почему законодатель сужает объект посягательства только отношениями, связанными с исполнением наказания в виде лишения свободы. Может быть, если уж мы говорим об управленческой деятельности государства в сфере исполнения наказаний, расширить сферу применения данной нормы, распространив ее не только на сотрудников мест лишения свободы, но и на сотрудников исправительных центров, уголовно-исполнительных инспекций, назвав данную статью «Дезорганизация деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание». Распространяя данную норму на сотрудников всех учреждений и органов, исполняющих наказание, мы тем самым устраняем пробел, связанный с проблемой квалификации действий, посягающих на здоровье сотрудников уголовно-исполнительной инспекции и иных сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний РФ.

В качестве второго варианта разрешения данной правовой ситуации можно предложить вообще не выделять в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны именно деятельность по исполнению наказаний, рассматривая ее как разновидность исполнительно-распорядительной деятельности, и защищать жизнь и здоровье сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказание, наравне с представителями власти в рамках ст. 318 УК РФ, предусматривающей ответственность

[5] ФСИН.РФ/FCIN/STATUS/

[6] Горшкова Н.А. Особенности насилия, применяемого осужденными при совершении преступления, предусмотренного статьей 321 УК РФ // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 4 (21). С. 10–13.

за применение насилия в отношении представителя власти. Понятие и признаки представителя власти содержаться в примечании к ст. 318 УК РФ, где сказано, что «представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости»[7]. Данное определение предполагает достаточно широкий круг субъектов, потерпевших по данной статье, не ограничиваясь только сотрудниками правоохранительных органов, как, например, в ст. 317 УК РФ.

Дополнительным объектом, согласно ч. 1 рассматриваемой статьи, являются общественные отношения, обеспечивающие телесную неприкосновенность осужденных, а также их психическое благополучие. Особенностью данного состава является то, что в рамках одной статьи законодатель объединил в качестве потерпевших и лиц, отбывающих наказание и содержащихся под стражей, и сотрудников мест отбывания наказания и содержания под стражей.

Обращаясь к ч. 1 ст. 321 УК РФ, следует отметить, что потерпевшими по ней выступают осужденные, но не все, а только те, кто встал на путь исправления и сотрудничает с администрацией учреждения или органа уголовно-исполнительной системы. Во-первых, посягая на данный круг осужденных, лицо тем самым прежде всего нарушает отношения, связанные с достижением целей наказания, речь идет о реализации правосудия и достижении ее целей. Поэтому в качестве непосредственного объекта данных действий выступает не порядок исполнения наказаний, а интересы правосудия. Во-вторых, включение в число потерпевших по преступлениям против порядка управления осужденных не представляется обоснованным и целесообразным. В гл. 32 «Преступления против порядка управления» традиционно выделяется группа преступлений, посягающих на субъектов управленческой деятельности, к которым относятся сотрудники правоохранительных органов, представители власти, то есть лица, наделенные соответствующими властными полномочиями в сфере исполнительной деятельности государства. Государство, наделяя их различного рода функциями в сфере управления и властью предусматривает для них особую систему уголовно-правовой защиты в рамках отдельной главы. Кроме того, как известно, дополнительный объект, в качестве которого выступают общественные отношения, обеспечивающие телесную неприкосновенность осужденных, всегда должен быть связан с основным, и вред дополнительному объекту причиняется в связи с причинением вреда основному. А основным объектом по рассматриваемому составу выступают отношения, обеспечивающие законную деятельность органов исполнительной власти в сфере исполнения наказаний и содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей. Следовательно, потерпевшими могут быть только лица, осуществляющие эту деятельность, наделенные соответствующими правами и обязанностями. В силу вышеизложенного осужденные не вписываются в систему преступлений против порядка управления, в частности, не могут быть потерпевшими по преступлениям, посягающим на субъектов управленческой деятельности.

Кроме того, по данным Судебного департамента РФ, в 2018 г. по ч. 1 ст. 321 УК РФ было осуждено всего 4 человека.

В связи с этим предлагается исключить из числа потерпевших по ст. 321 УК РФ осужденных, а факты применения насилия в отношении осужденных рассматривать по статьям, предусматривающим ответственность за преступления против здоровья.

Говоря об объекте данного преступления, следует отметить, что по ч. 2 ст. 321 УК РФ, предусматривающей ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения насилия в отношении сотрудника мест лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности или их близких, в качестве потерпевших выступают сотрудники мест лишения свободы или сотрудники мест содержания под стражей, а также их близкие лица.

Прежде всего, необходимо разобраться, что относится к местам лишения свободы и местам содержания под стражей. Здесь, как правило, проблем не возникает. В соответствии со ст. 73, 74 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительных учреждениях, к которым относятся исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения. Следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяй-

[7] Уголовный кодекс РФ // СПС «Гарант»

ственному обслуживанию, осужденных, в отношении которых приговор суда вступил в законную силу и которые подлежат направлению в исправительные учреждения для отбывания наказания, осужденных, перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое, осужденных, оставленных в следственном изоляторе или переведенных в следственный изолятор в порядке, установленном ст. 77.1 настоящего Кодекса, а также в отношении осужденных на срок не свыше шести месяцев, оставленных в следственных изоляторах с их согласия[8].

Что касается мест содержания под стражей, то, в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», к местам содержания под стражей относятся следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов федеральной службы безопасности[9].

Еще один вопрос, требующий выяснения, это определение понятия сотрудника мест лишения свободы и содержания под стражей. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «"Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"» – это гражданин, проходящий в соответствии с настоящим Федеральным законом службу в уголовно-исполнительной системе в должности, по которой предусмотрено присвоение специального звания[10]. К сотрудникам мест содержания под стражей, в соответствии с Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», относятся лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, военнослужащие органов федеральной службы безопасности и Вооруженных Сил Российской Федерации, исполняющие обязанности по обеспечению режима содержания под стражей[11]. Таким образом, в качестве потерпевших по данной статье могут выступать только аттестованные сотрудники мест лишения свободы в чьи непосредственные функции входит обеспечение режима отбывания наказания. Соответственно, из числа потерпевших исключаются вольнонаемные работники, осуществляющие медицинское обслуживание, общеобразовательное и профессиональное обучение и т.д.

Критикуя данный подход законодателя к определению круга потерпевших по ст. 321 УК РФ, ограничивая его лишь сотрудниками, то есть лицами, имеющими специальные звания, А.В. Шеслер и Т.Г. Антонов предлагают «вместо термина "сотрудник" ввести термин "представитель администрации"»[12], указывая, что «такой подход приобретает особую актуальность в связи с тенденцией перевода многих сотрудников с аттестованных должностей в число вольнонаёмного персонала, не имеющего специальных званий, при выполнении ими функций, аналогичных функциям, выполняемым аттестованными сотрудниками»[13]. Также на необходимость расширения круга потерпевших по данной статье указывает и М.С. Красильникова, считая, что к «работникам уголовно-исполнительной системы, подлежащим уголовно-правовой охране посредством специальной нормы, следовало бы отнести лиц, осуществляющих в местах лишения свободы общеобразовательное и профессионально-техническое обучение, медицинское обслуживание, административный и инженерно-технический персонал, руководящий производственной деятельностью осужденных»[14], дополнив норму словами «работники места лишения свободы».

---

[8] УИК РФ // СПС «Гарант».

[9] Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СПС «Гарант».

[10] Федеральный закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"» // СПС «Гарант».

[11] Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СПС «Гарант».

[12] Шеслер А.В., Антонов Т.Г. «Редакция статьи 321 УК РФ нуждается в изменениях»// Уголовное право и криминология // Вестник Кузбасского института. 2013. № 5. С.43.

[13] Там же.

[14] Красильникова М.С. Дискуссионные вопросы юридической оценки действий, дезорганизующих работу учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3 (36). С. 38.

Помимо сотрудников мест лишения свободы и мест содержания под стражей, потерпевшими по ч. 2 ст. 321 УК РФ выступают их близкие лица, к которым в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» «наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений»[15]. Следует отметить, что в судебной практике практически не встречаются примеры применения насилия к лицам, близким сотруднику мест лишения свободы или содержания под стражей.

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в совершении нескольких действий в зависимости от части. В чч. 1 и 2 ст. 321 УК РФ указывается на два деяния. Первое действие, указанное в диспозиции статьи, – это насилие, не опасное для жизни или здоровья, и второе − это угроза применения насилия.

На сегодняшний день проблем при определении характера применяемого насилия не возникает. В Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в п.21 указывает, что «под насилием, не опасным для жизни или здоровья (пункт "г" части второй статьи 161 УК РФ), следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)»[16]. У потерпевшего могут быть синяки, ссадины, кровоподтеки, гематомы, но не должно быть вреда здоровью.

Угроза применения насилия как признак объективной стороны рассматриваемого состава заключается в психическом воздействии на потерпевшего с целью устрашения. В данном случае речь идет об угрозе применения любого насилия, как опасного, так и неопасного, вплоть до угрозы лишения жизни. Преступление считается оконченным с момента совершения любого из указанных действий, то есть состав по конструкции относится к числу формальных.

Части 1 и 2 ст. 321 УК РФ отличаются друг от друга только кругом потерпевших. В части 3 ст. 321 УК РФ содержится особо квалифицированный состав преступления, в котором предусмотрена ответственность за «деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья»[17]. Представляется, что данная формулировка не совсем удачна и требует корректировки.

В частности, исходя из формулировки чч. 1, 2 и 3 ст. 321 УК РФ получается, что в ч. 3 рассматриваемой статьи предусмотрена ответственность за применение насилия, неопасного для жизни или здоровья, с применением насилия, опасного для жизни или здоровья.

Представляется, что с точки зрения как законодательной техники, так и здравого смысла такая формулировка неприемлема и должна быть изменена. В связи с этим необходима новая формулировка квалифицированного состава рассматриваемого преступления, предусматривающая ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья осужденного или сотрудника мест исполнения наказания или мест содержания под стражей. А также, если есть необходимость, что вызывает сомнения, предусмотреть особо квалифицированный состав, устанавливающий повышенную ответственность за применения насилия, как опасного, так и неопасного для жизни или здоровья, совершенные организованной группой.

Под насилием, опасным для жизни или здоровья, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», «следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности»[18]. Также к насилию, опасному для жизни или здоровья, относится «нападение с целью завладения имуществом, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, которое хотя и не

[15] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «Гарант».
[16] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «Гарант».
[17] Уголовный кодекс РФ// СПС «Гарант».
[18] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «Гарант».

причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья»[19].

Таким образом, ч. 3 ст. 321 УК РФ является специальной по отношению к преступлениям против здоровья. Соответственно, причинение потерпевшему легкого, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью полностью охватывается данной нормой и не требует дополнительной квалификации по преступлениям против здоровья. Если в процессе применения насилия, опасного для жизни или здоровья, потерпевшему причиняется смерть по неосторожности, то требуется дополнительная квалификация по ч. 4 ст. 111 УК РФ, предусматривающая ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, повлекшего по неосторожности смерть. Если же смерть причиняется умышленно, то квалификация должна быть по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающая ответственность за убийство лица в связи с осуществлением служебной деятельности.

В ряде работ отмечается, что обязательным признаком объективной стороны состава «дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» выступает место совершения преступления, в качестве которого выступает место лишения свободы. Как указывает М.С. Красильникова, «специфичным признаком дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, является место совершения преступления, поскольку квалификация угрозы насилием либо фактически примененного насилия к соответствующим потерпевшим вне места лишения свободы или места содержания под стражей должна осуществляться по статьям уголовного закона о преступлениях против жизни или здоровья, если действия направлены на осужденного, либо по ст. 318 УК РФ, если речь идет о потерпевшем представителе власти»[20]. Сложно согласиться с данным высказыванием. В диспозиции ст. 321 УК РФ не указывается на место совершения данного преступления, соответственно, обязательным оно не является. Кроме того, представляется, что общественная опасность рассматриваемого деяния связывается не столько с местом совершения преступления, сколько с порядком осуществления деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Применение насилия к сотруднику мест лишения свободы в связи с его служебной деятельностью, независимо от того, где оно было совершено и в какое время, посягает на отношения, обеспечивающие порядок исполнения наказания, представителем которой выступает сотрудник.

Также ч. 3 ст. 321 УК РФ, как было указано выше, предусматривает в качестве квалифицирующего признака применение насилия, не опасного для жизни или здоровья организованной группой. Под организованной группой ч. 3 ст. 35 УК РФ понимает «устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений»[21]. К признакам организованной группы относятся следующие: стабильность состава, тесная взаимосвязь между членами группы, постоянство форм и методов преступной деятельность, длительность существования, неоднократность совершения преступлений, техническая оснащенность, наличие организатора, распределение ролей и т. д.

Если уж законодатель предусматривает совершение преступления в соучастии в качестве квалифицирующего признака, то целесообразнее предусмотреть не только организованную группу, но и группу лиц по предварительному сговору. Во-первых, традиционно возникают трудности в доказывании наличия такого признака, как организованная группа, особенно если это касается применения насилия. Во-вторых, такой вид соучастия, как группа лиц по предварительному сговору встречается гораздо чаще в судебной практике и также обладает достаточно высокой степенью общественной опасности по сравнению с совершением преступлений единолично.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется умышленной формой вины, прямым умыслом. Помимо вины, обязательным признаком субъективной стороны выступают мотив и цель совершаемых действий. Если потерпевшим является осужденный, то, в соответствии с диспозицией ст. 321 УК РФ, насилие или угроза применения насилия осуществляются «с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы»[22]. При квалификации действий виновного лица, помимо установления прямого умысла, направленного на применение насилия или угрозы применения насилия к потерпевшему осужденному, необходимо установить цель применяемого насилия, которая связывается с поведением осужденного, его исправлением, либо установить мотив

[19] Там же.
[20] Красильникова М.С. Дискуссионные вопросы юридической оценки действий, дезорганизующих работу учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3 (36). С.39.
[21] Уголовный кодекс РФ // СПС «Гарант».
[22] Там же.

совершаемых действий, заключающийся в мести за то, что осужденный сотрудничает с администрацией исправительного учреждения. Необходимо учитывать, что если мотивом применяемого насилия служат личные неприязненные отношения, сложившиеся между осужденными, либо месть за его поведение, не связанное с содействием администрации исправительного учреждения, то квалификация действий лиц должна осуществляться по статьям Уголовного кодекса, содержащимся в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья».

Если потерпевшими являются сотрудники мест лишения свободы или мест заключения под стражу, то в качестве обязательного признака субъективной стороны выступает мотив, связанный с осуществлением потерпевшим его служебной деятельности, то есть с обеспечением режима отбывания наказания, регулированием порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определением средств исправления осужденных. Следует отметить, что для квалификации не имеет значения, находился ли сотрудник в момент применения насилия при исполнении своих служебных обязанностей. Насилие может применяться как во время осуществления служебных функций в местах лишения свободы или местах содержания под стражей, так и в любое другое время и в любом другом месте, главное то, что мотивом выступает его профессиональная деятельность. Если поводом для применения насилия послужили личные неприязненные отношения, месть, ревность, корыстные побуждения, то квалифицировать данные действия следует по составам преступлений, расположенным в гл. 16 Уголовного кодекса РФ «Против жизни и здоровья».

Еще один вопрос, требующий рассмотрения, – это субъектный состав рассматриваемого преступления. Как пишет О.Ю. Крюкова, «диспозиция ст. 321 УК РФ не содержит признаков субъекта дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, что порождает различные интерпретации данного понятия»[23]. Отсутствие в диспозиции статьи указания на субъект свидетельствует о том, что субъект по данному преступлению общий, то есть физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Это может быть как лицо, отбывающее наказание или содержащееся под стражей, так и иные лица, например, родственники или друзья лиц, отбывающих наказание, уже освободившиеся из мест лишения свободы или из-под стражи, и др.

Но необходимо учитывать тот факт, что если насилие к осужденному или лицу, находящемуся под стражей, применяет сотрудник исправительного учреждения или мест содержания под стражей, подпадающий под признаки должностного лица, содержащиеся в примечании к ст. 285 УК РФ, то его действия необходимо квалифицировать по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий с применением насилия или угрозой его применения. В данном случае речь уже будет идти не о порядке исполнения наказания в виде лишения свободы, а об авторитете государственной власти, ее законной деятельности лицами, наделенными властными полномочиями. Таким образом, из числа субъектов исключаются должностные лица мест лишения свободы или мест содержания под стражей.

По нашему мнению, на основе всего вышеизложенного необходимо пересмотреть подходы к установлению ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

В-первых, необходимо определиться с вопросом о целесообразности существования отдельной нормы, предусматривающей ответственность за применение насилия к сотрудникам мест лишения свободы или мест содержания под стражей, так как осужденных предлагается исключить из числа потерпевших по данной статье.

Во-вторых, следует решить вопрос о расширении круга потерпевших по данной статье, включив не только сотрудников мест лишения свободы, но и сотрудников иных органов и учреждений, исполняющих наказание.

В-третьих, на наш взгляд, следует дифференцировать ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего и неопасного для жизни или здоровья, предусмотрев их в разных частях ст. 321 УК РФ. Также, представляется целесообразным предусмотреть в качестве особо квалифицирующего признака ст. 321 УК РФ применение насилия как опасного, так и неопасного для жизни или здоровья потерпевшего группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Поступила в редакцию 12.01.2020

[23] Крюкова О.Ю. К вопросу об определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ// Актуальные вопросы юриспруденции. Журнал № 13. С 15-17. URL: http://cyberleninka.ru

Стяжкина Светлана Александровна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: styazhkina.sv@yandex.ru

S.A. Styazhkina

DISORGANIZATION OF THE INSTITUTIONS PROVIDING THE ISOLATION FROM SOCIETY: THE CRIMINAL-LEGAL ASPECT

DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-2-289-296

The article is devoted to the problems of qualification of disorganization of activity of institutions providing isolation from society (article 321 of the Criminal Code). The paper notes the imperfection of the current version of the article. The author proposes to exclude from the number of victims under article 321 of the Criminal Code the convicts, embarked on the road to reform or cooperating with the administration of the institutions and at the same time to expand the circle of victims, not limiting it to just the employees of the prison or places of detention. It is proposed to consider as victims employees of bodies and institutions that execute all types of punishments, not only imprisonment. The article analyzes the subjective features of the composition of the crime, offers solutions to controversial issues. A mandatory feature of the subjective side of the crime in question is the motive, which is associated with the official activities of the victims. It is stated that among the subjects under this article it is necessary to exclude officials of places of deprivation of liberty or places of detention, who should be responsible for official crimes defined in Chapter 32 of the Criminal Code.

Keywords: disorganization of the institutions providing the isolation from society; prison officer, convicted person, violence, threat of violence, execution of sentences, sentencing order management.

Received 12.01.2020

Styazhkina S.A., Candidate of Law, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: styazhkina.sv@yandex.ru